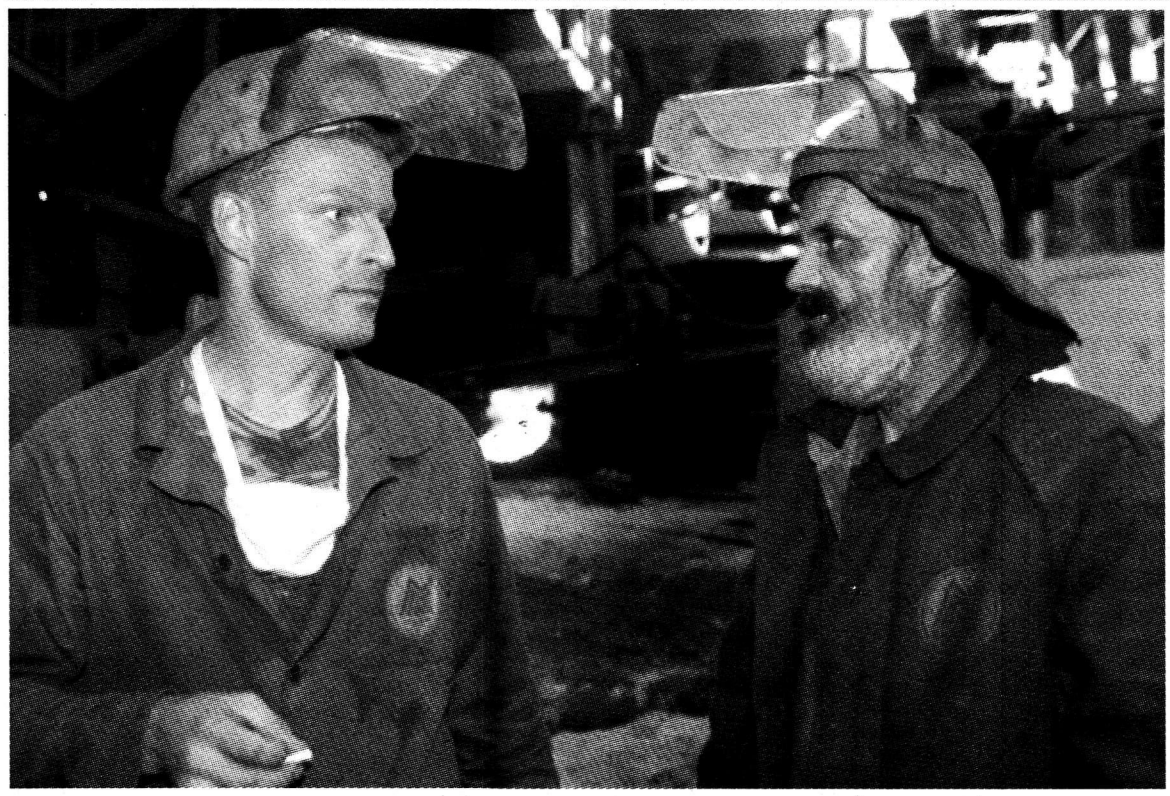
9 июля 2005 года ММ
www.mmgazeta.ru

О чем мечтает Будулай?

Своей жизнью старший горновой Виктор Ефремов доволен



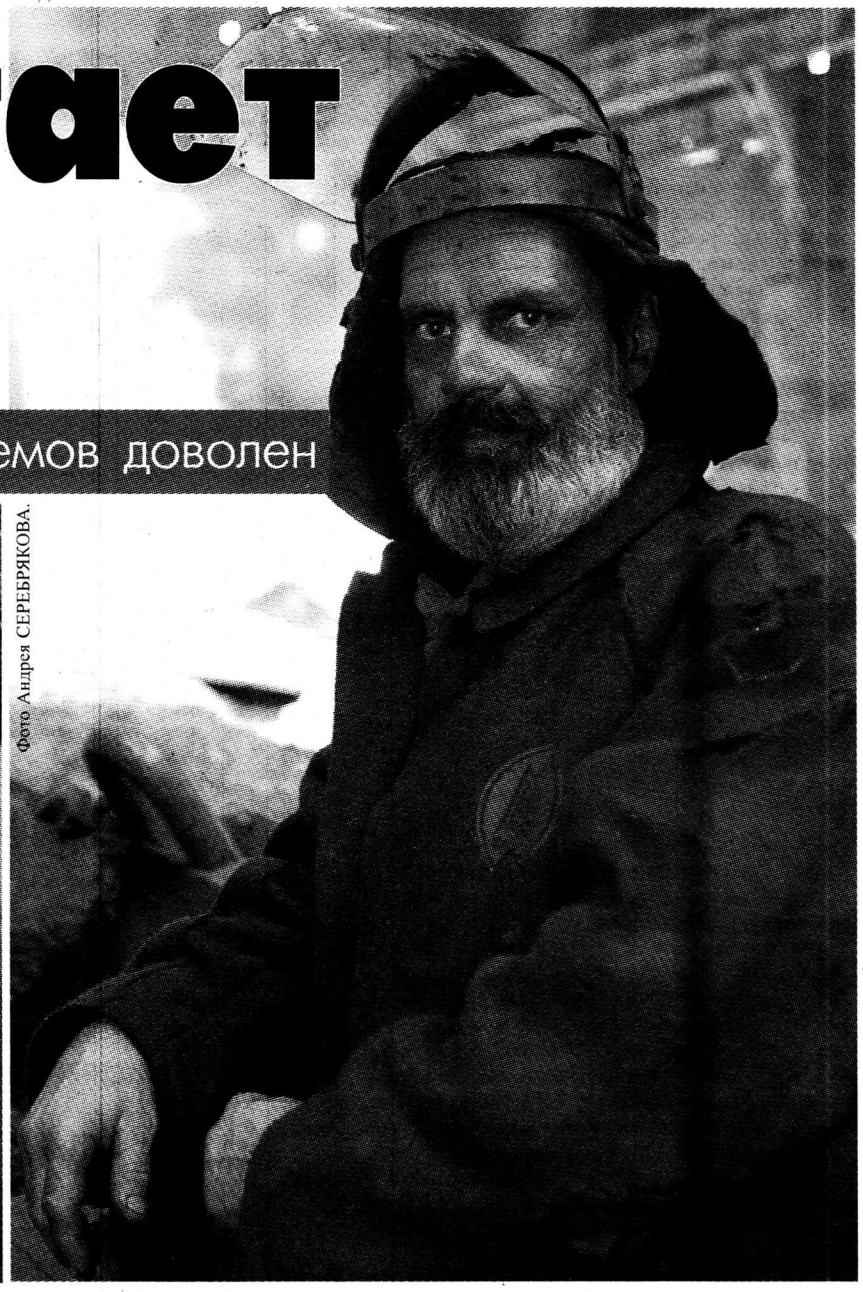


Фото Андрея СЕРЕБРЯКОВА.

ВСЮ СВОЮ сознательную жизнь старший горновой шестой домны Виктор Ефремов «танцевал» от печки. Она для него и источник вдохновения, и мерило человеческих добродетелей, и мать-кормилица. Печь его взрастила, выпестовала, огранила характер. Возле огня не солжешь, не слукавишь. Виктор Викторович гордится своей профессией.

Особенно остро он почувствовал это, когда по путевке Магнитки в составе делегации из пяти человек побывал в Москве на праздновании Дня металлурга. Да и последующий заезд в подмосковный санаторий сотни посланцев из разных уголков страны был на удивление родным. У встретившихся впервые людей было много общего. Сближала не только работа, но и схожесть интересов и судеб. Именно тогда Ефремов пришел к выводу: металлурги – особая каста. Именно в те дни Виктор Викторович почувствовал и особую ответственность: при одном слове «Магнитка» коллеги неизменно проникались уважением. А во время горячих профессиональных споров именно за магнитогорцем было решающее слово. Хотя, надо признать, говоруном или того пуще – спорщиком – Ефремова представить трудно. Фразы он произносит без спешки, с весом, с кондачка, кажется, и звука не отпустит. Ан, нет! Ребята в бригаде уверяют, что «деда» большой приколист. Молчит-молчит да выдаст такое, что парни только за животики хватаются. Он и в работе, утверждают, бывает непредсказуем. То вроде спокоен едва ли не до отрешенности, то такую бурную энергию разовьет, что горновые только успевают ногами шевелить.

В одну из таких «сумасшедших» майских смен попал в цех и Андрей Осокин. По сей день вспоминает, как едва ли не по стеночке добирался до душевой после восьмичасового «забега» вокруг печи – так умотался! И теперь, спустя пять лет, став вторым горновым и сполна изведав все прелести работы у горна, Осокин удивляется, откуда в человеке, которому уже за полсотни, столько мощи и терпения. Только молодой пенсионер и сам толком не знает, в чем источник его сил. Диеты и всякие там иные правильности не для него. Покушать любит от души – как все доменщики, предпочитает мясо: «Моя Алевтина славные пельмешки и отбивные умеет стряпать!» С ребятами после работы расслабиться «по чуть-чуть». С сигаретой редко расстается. Говорит, помогает процессу. Ну, а главная составляющая его физической выносливости – выносливость психологическая, душевный комфорт.

К обстановке на литейном дворе глаз привыкает быстро. Но если четко знаешь, в какую минуту что будет происходить, незачем волноваться. Ровно в назначенное время, через положенные 50 минут, по желобу побежит раскаленный чугун. Столько-то времени требуется на одну операцию, чуть больше или меньше – на другую. Доменная печь ни расслабиться, ни засуетиться без надобности не позволит. Хотя и от сбоев никто не застрахован.

Внуку Ефремова все никак не верится, что чугун может литься и быть почти белым

На просьбу рассказать об экстремальных ситуациях Виктор Викторович отзывается без особого энтузиазма. Убеждает – нет в этом никакого героизма. А есть элементарный недосмотр, за который вообще-то головы отрывать нужно, а не медали вешать. Но тот факт, что в критической ситуации всем приходится собираться в кулак, не отрицает. Хоть и нехотя, но все же делится воспоминанием об одном из таких производственных «ляпов».

– Замерзла канава. Не смогли пробить крышу, чугун пошел на шлаковую сторону, – сухо «рапортует» старший горновой. – Мы приготовили летку к закрытию. Закрыли. Пробили крышу, прожгли ее кислородом и снова открыли чугун. То есть свою задачу выполнили – шлаковозные ковши не сожгли.

И тут же, после резкой смены интонации, Ефремова будто прорывает:

– Вы уж лучше вот такую, как сегодня, смену опишите, да хоть вот этот выпуск. Хорош чугун! Мастера постарались. От меня тоже многое зависит. Например, нужно вовремя открыть чугун. Это много значит для печки. По графику откроешь, и она легче дышит. Задержался – значит печь подачи не берет. Раз не берет, значит, ее настрой ломается. Важно, чтобы выпуск подольше был: не двадцать минут или полчаса, а минут сорок–сорок пять. Бывают моменты, когда печь не продутая, тут надо пораньше открыть. Сейчас она продувается – видите, выбрасывает из печи искры. Вот как все выдохнет, начнем закрывать летку электропушкой и обезвоженной глиной… Печь, она ведь такая же, как человек. Все чувствует! Иногда капризничает. Например, широким буром открыли – выпуск получается короткий. Она может стать и скупой, и шлака мало отдавать…

С изумлением смотрю на своего собеседника – вот тебе и молчун! Правильно мне ребята говорили: непредсказуемый. Только что, характеризуя своих ребят, не вдавался в подробности, отрекомендовывал каждого более чем лаконично: «отличный человек», «толковый парень». А ведь подноготную каждого старшой отлично знает. Несмотря на значительную разницу в возрасте, горновые дружат семьями, поэтому друг у друга как на ладони. На рыбалку ездят вместе. А их домашние посиделки нередко превращаются в бригадные «заседания». За своих Ефремов крепко переживает. Вон у Андрея Осокина своего жилья нет. На троих комната в коммуналке, ребенок маленький – не больно-то отдохнешь перед сменой. А когда еще получится на отдельную квартиру заработать? Сам-то Ефремов получил трехкомнатную квартиру через пятнадцать лет работы в цехе, тоже впятером с его матерью ютились на считанных метрах. Теперь уж и дети давно устроились. У дочери Марины свое жилье есть. Сын Женя, женившись на кабардинке Мадине, решил остаться в Нальчике. Там у него свой дом. Так что внук и внучка растут на просторе. Почти каждый год Ефремовы гостят у них. А последний приезд к сыну оказался для «дедов» тревожным: там как раз террористы заложников захватили. Алевтина Евгеньевна не на шутку забеспокоилась за будущее своих близких. Но мудрый ее супруг так рассудил: «Здесь такие же люди живут. Они свои семьи в обиду не дадут. И нашу тоже».

А в этом году внук Витя проводит каникулы в Магнитке. Так что теперь у Виктора Викторовича после смены есть занятие – хотя бы на теории посвящать Виктора-младшего в тайны своего ремесла. Десятилетний парнишка, кажется, всерьез заинтересовался дедовой работой. И все никак ему не верится, что чугун может литься и быть от температуры почти белым. И, наконец, что человек в состоянии выдержать соседство с речкой, по которой течет настоящее «солнце». Разве что шрамы на руках деда доказывают – с таким «товарищем» шутки плохи. Втайне Виктор Ефремов, конечно, надеется, что когда-нибудь его полный тезка, да еще родной по крови, появится в доменном цехе. Но с другой стороны, понимает, что жизнь стала иной. Романтики, что ли, поубавилось, да и необходимости в рабочем героизме нынче не стало. Он ведь и сам когда-то не мечтал ни о славе, ни о наградах. Пришел на домну, чтобы себя и мать кормить и одевать. Нынче у людей иное на уме. Но не завидует Ефремов ни богатству, ни знаменитости. Жизнью своей доволен. Ездит себе на «москвичонке» по многочисленным родственникам то в Челябинск, то в Екатеринбург и ни капли не тушуется своего пролетарского происхождения. Вот только одно не может понять: за что его маму Марию Андреевну, простую крестьянку, записав в богачки, выслали когда-то из-под Суздаля на Урал? Человеком она была сильным, волевым. Сына одна на воспитательскую зарплату поднимала. И, как говорит Виктор Викторович, сама того не ведая, вырастила хорошего доменщика.

– Жизнью я доволен. Всего достиг. Старшим горновым работаю. Все главное у меня есть – дети, внуки. Придет время – молодым нужно будет дорогу уступать, на отдых придется идти, тоже руки не опущу. Тылы у меня крепкие. А это основное.

Он вообще уверен, что все идет от семьи: у настоящего горнового и родители были работящие. Старшему горновому с таким «человеческим материалом» изначально работать легче. Вон их, бывших учеников старшего горнового Ефремова, по печам сколько работает! Кто-то из них и сам давно бригадирствует. Я, кстати, просила Ефремова назвать хоть несколько фамилий – отказывается:

– Одних назову, другие могут обидеться. Весь список, небось, все равно не дадите? А они мне все и памятны, и дороги.

…Мы стоим на мостике высоко над железнодорожными путями – между плавками вышли подышать «свежим воздухом». Внизу тепловоз тянет очередной порожний миксер.

– Вы меня тут про мечту спрашивали? А вот мечтаю посмотреть, как из миксера наш чугун в кислородно-конвертерном цехе переливают. Не поверите – ни разу не видел!

На такой лирической волне решаюсь, наконец, спросить разговорившегося Ефремова об особинке в его внешности – окладистой бороде. Ну, уж больно в наше время непривычно!

– Я ее отпустил сразу, как в цех пришел! Зачем? А красиво! Вот только из черной она за двадцать восемь лет в седую превратилась…

Черные глаза светятся по-доброму, почти смеются. Ну, вылитый Будулай! Мне председатель профкома доменного цеха Николай Головин так его и отрекомендовал. Плохого человека таким именем у нас не нарекут.

Татьяна ТРУШНИКОВА.